

УДК 323.1

Марианна Альфредовна Фадеечева
доктор политических наук, доцент,
главный научный сотрудник отдела философии
Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
г. Екатеринбург (343) 257-03-43

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НЕОПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ*

Статья посвящена анализу новых тенденций в этнонациональной сфере. Автор рассматривает особенности управления этническими отношениями, доказывает необходимость выработки новой современной концепции государственной этнической политики и уделяет особое внимание проблемам регионализации этнической политики и миграционной составляющей как ее неотъемлемой части.

Этнос, нация, этническая политика, миграционная политика, этнонационализм, ксенофобия.

Несколько последних лет неопостсоветского периода новейшей отечественной истории, начавшегося с наступлением нового века, ощутимо трансформировали политическую и политологическую моду. В процессе обсуждения проблем, связанных с этнонациональными отношениями, ощущается некая интеллектуальная усталость, видится теоретический застой. Такое положение сложилось на фоне того, что и в столице РФ, и в регионах проводится большое количество научных конференций, других научно-практических мероприятий, посвященных выработке и реализации государственной политики в сфере регулирования межэтнических отношений. Многие из них блестяще удаются. Например, 29-30 октября 2002 г. в г. Перми состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Государственная национальная политика в XX–XXI веках: региональный аспект»; 28-29 мая 2004 г. в г. Оренбурге прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы сохранения толерантности в полиэтнических регионах России»; 29-30 сентября 2004 г. в г. Екатеринбурге – международная научно-практическая конференция «Этнический фактор в процессе социальных трансформаций»; 25 мая 2005 г. также в г. Екатеринбурге была проведена Международная конференция «Государственная национальная политика: проблемы и перспективы». Перечисление

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ-Урал № 07-03-83305 а/У.

можно продолжить. Дискурс подобных мероприятий позволяет их участникам прийти к пониманию, выработать общие подходы к решению проблем и некоторые разумные рекомендации по оптимизации этнической политики. Однако, видимо, не срабатывают коммуникативные механизмы между интеллектуальным сообществом и властью. Определенно проявляет себя тенденция последних лет: тема этнополитики и межэтнических отношений в научном формате стала не менее дискуссионной, но менее дискутируемой.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации была принята в 1996 г. На ее основе в целом ряде субъектов РФ также были разработаны и приняты законы, концепции, программы по региональной «национальной» политике. Безусловно, существует общероссийский контекст, который определенно влияет на региональную этнополитическую ситуацию. Однако существуют важные обстоятельства, определяющие особенности выработки и реализации этнической политики на региональном уровне. Субъекты РФ существенно отличаются по своим цивилизационным характеристикам, живут в разных темпоральных измерениях, не равны в ресурсном, экономическом, демографическом, культурно-историческом и других отношениях, что объективно исторически обусловлено. Одним из следствий этих обстоятельств является уникальность этнополитической ситуации и кроссэтнической коммуникации, сложившихся в каждом субъекте РФ. Межэтнические отношения в полиэтничных регионах России в связи с этим отличаются различной мерой этнической толерантности. Это вызывает сомнения в том, что этнополитические процессы в РФ могут быть проанализированы «на примере» какого-то региона. Поэтому при выработке и реализации этнической политики РФ существует проблема ее «регионализации»: общая стратегия и основополагающие принципы этнополитической тактики должны быть дифференцированы с учетом региональных особенностей, как исторически сложившихся, так и ныне существующих, до такой степени, чтобы стало правомерным вести речь о региональной этнической политике, определяющей состояние межэтнических отношений и управляющей ими. Поэтому различные субъекты РФ пытаются выработать «региональную национальную политику». Вместе с тем каждый субъект, определяющий региональную этническую политику, настаивает на своей исключительности, уникальности. Она видится в полиэтничности, традиционно называемой многонациональностью, которая, в свою очередь, оценивается как исключительное преимущество. По сравнению с серединой 90-х гг. XX в. этнополитическая ситуация в России и в мире изменилась, и это вполне закономерно требует определенной корректировки видения этнонациональных проблем. Однако попытки принять новую Концепцию государственной национальной политики РФ в 2005 г. оказались без-

успешными, так же, как и попытки выработать Федеральный закон «О государственной национальной политике РФ». Такая же ситуация сложилась и на региональных уровнях: все региональные концепции оказались такими же устаревшими и малоэффективными, как и федеральная. В настоящее время имеется только старая Концепция государственной национальной политики, но нет самой этнополитики, способной эффективно регулировать межэтнические отношения.

Отчасти это является следствием некой концептуальной проблемы. «Региональная национальная политика», – данное словосочетание нельзя употреблять без кавычек. Это оксюморон, литературный прием, предполагающий сочетание не сочетаемых свойств и качеств предмета или явления, типа: живой труп или холодная теплота. Однако часто встречаются документы «Указ Губернатора N-ской области “Об утверждении Основных направлений национальной политики в N-ской области”», «О мерах по реализации национальной политики N-ской области», «Программа развития и гармонизации национальных отношений в M-ской области» и т.д. До сих пор неразличимыми в головах и в документах остаются понятия «нация» и «этнос», «национальная» и «этническая политика». Так, например, в Законе «О межнациональных отношениях в Санкт-Петербурге», принятом Законодательным собранием Санкт-Петербурга 15 сентября 2004 г., в статье 2 «Основные понятия, используемые в настоящем законе Санкт-Петербурга», говорится: «Нация, народ, этнос – общность людей, объединенных происхождением, языком, культурой, мировоззрением, традициями, принадлежность к которой является естественным правом человека, равно как и отказ от какой бы то ни было этнической определенности. Понятия нация, народ, этнос используются в настоящем Законе Санкт-Петербурга как равнозначные». В этом ряду явно не хватает рода и племени. Неясность, неточность, неоднозначность понятий, которыми пользуется Законодатель, имманентная нечеткость дискурса региональных законов и концепций отражает и воспроизводит такую ситуацию на уровне государственной политики. «Современное развитие национальных процессов в Российской Федерации вызывает к жизни необходимость серьезного отношения к этнополитическим проблемам развития российского общества. Необходим постоянный мониторинг состояния межнациональных отношений в Российской Федерации» [3, 33].

Можно только догадываться о содержании понятий: «национальные процессы», «этнополитические проблемы», «межнациональные отношения». Не вина, а беда в виде большевистско-советского идеологического и теоретического наследия, которую следовало бы как можно быстрее преодолеть, обрекает законодателей и ученых на составление двусмысленных, неудобочитаемых и откровенно путанных текстов: пишем «национальное» подразумеваем

«этническое». Обидно плестись в хвосте у зарубежной политической науки, повторяя старые советские басни и запетые песни. Для зарубежной научной и политической элиты, связанной с этнонациональной проблематикой, вопрос давно решен. К сожалению, в отечественной науке все еще идут споры «тупоконечников» и «остроконечников», что такое нация – общность природная, основанная на кровном родстве, или гражданская; нация и этнос – одно и то же или различное. Отечественным примордиалистам претит сама постановка вопроса о гражданской нации. В этих условиях властные структуры отмахиваются от ученых споров, в решении «национального вопроса» продолжают руководствоваться пролетарским чутьем революционных матросов. Не помогает даже вполне определенный дискурс президентских речей и посланий, в которых под национальным понимается общегосударственное, а не этническое. Так, например, национальные проекты относятся ко всем гражданам РФ, а не к представителям некой национальности.

И все же существует теоретическая возможность различить этническую и национальную политику, что позволит преодолеть имманентно присущую нечеткость этнонациональному дискурсу. Этническая политика РФ может быть определена как деятельность государства в сфере регулирования отношений между различными народами, как традиционно проживающими, так и вновь пребывающими на территорию данного государства, направленная на установление и укрепление социально-экономического, политического и культурного сотрудничества народов, содействие удовлетворению их потребностей и реализации интересов, предотвращение и разрешение этнических противоречий и конфликтов, преодоление этнической нетерпимости и препятствование разжиганию этнической розни. Этническая политика – одно из направлений внутренней политики. Этническая политика может проводиться властью, как на уровне Федерации, так и на уровне субъектов Федерации. Тогда как национальная политика – это внешнеполитическая деятельность, это деятельность государства в сфере межгосударственных отношений, направленная на защиту национальных, то есть общегосударственных интересов, выгодное позиционирование государства на международной арене, осуществление взаимовыгодного сотрудничества с другими государствами. В концептуальном отношении необходимо окончательно утвердить понятие «национального» как общегосударственного.

Легче всего было бы эти понятийные тонкости списать на учебное занудство. Однако непроработанный, архаичный категориальный аппарат не позволяет достигнуть понимания проблемы и следовательно – оставляет концептуально безосновной политику РФ в сфере регулирования межэтнических отношений, которая и должна бы называться государственной или, соответственно, региональной этнической политикой. Как справедливо отмечал последний ми-

нистр по национальной политике РФ В.Ю. Зорин, понимавший под новой национальной политикой, или этнополитикой, политику этнокультурную, «необходимо учитывать, что качество национальной политики в большой степени зависит от ее теоретической вооруженности» [4, с. 255].

Вместе с тем в действительности есть то, что подлежит регулированию со стороны государства. Это отношения между:

- различными этносами в РФ, являющимися коренными народами на территории РФ, как их определяет Концепция 1996 г.;
- полиэтничным автохтонным населением РФ и вновь прибывающим (мигрантным) населением, неоднородным по целевому назначению своего пребывания, а именно: трудовые мигранты из государств центральноазиатского региона, Закавказья и Китая; мигранты, прибывающие на постоянное место жительства в Россию, в том числе бывшие соотечественники, проживающие за рубежом;
- коренным населением Центральной России и внутриграницными мигрантами из республик Северного Кавказа, являющимися гражданами РФ.

Все это – разные ситуации, порождающие конкретные проблемы, требующие дифференцированного подхода, но в русле общей современной, стратегически выверенной концепции, которой еще нет, но которую необходимо выработать. На фоне неотрефлексированного естественноисторического процесса складывания новых этносоциальных отношений, не понятой властью новой этнополитической ситуации она действует по принципу «стимул – реакция». Отвечая на этнические, миграционные и внешние так называемые «вызовы» и «угрозы», руководствуясь талионом «око – за око, зуб – за зуб», властные структуры не задумываются над созданием научно обоснованного, оригинального взаимовыгодного сценария развития межнациональных и межэтнических отношений. В этих условиях население вынужденно приспосабливается к изменяющейся ситуации, в которой межэтнические отношения складываются стихийно и спонтанно, а потому не вполне предсказуемы, следовательно, плохо управляемы.

Немаловажный аспект в этнической политике – ее миграционная составляющая, однако до сих пор этническая и миграционная политика не рассматриваются во взаимной связи. За эти «проблемы» отвечают разные государственные ведомства: за этническую политику – Министерство регионального развития, за миграционную политику – Министерство внутренних дел. Существуют отдельные документы, определяющие сущность миграционной политики. В частности, это Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, принятая в 2003 г. [см.: 6]. Однако миграционная политика, разрабатываемая вне концепции этнической политики, также страдает противоречивостью, имманентной

нечеткостью, повышенной тревожностью в отношении миграции. В Концепции не выражено однозначно: миграция (в особенности иммиграция) для России – объективная необходимость или злокозненный заговор, польза или вред, благо или зло? Насколько способны соответствующие властные структуры и само общество вместе с различными категориями иммигрантов решить задачи по их адаптации, аккультурации, репатриации? В настоящее время во властных структурах и в обществе доминируют настроения «антииммиграционизма» и мигрантофобия.

Еще одним камнем преткновения для определения концептуальных оснований этнической политики РФ служит проблема государственного устройства или его переустройства. Что такое современная Россия: унитарное государство с выстроенной вертикалью власти, дефективными межбюджетными отношениями и федеративными декорациями, называемое российской моделью федерализма? Сколько долго будет сохраняться «асимметричный» российский федерализм, связанный тяжелым не до конца освоенным большевистским наследством, сочетающим в себе «территориальный» и «национально-территориальный» принципы деления государства? Можно согласиться с тем, что «к числу унаследованных от СССР факторов этнополитических противоречий следует отнести особенности федеративного государственного устройства страны. Оно построено на этническом принципе: в составе Российской Федерации есть субъекты Федерации (республики), считающиеся государственными или субгосударственными образованиями конкретных этносов. По Конституции Российской Федерации они обладают более высоким статусом по сравнению, получается, с «безэтническими» краями и областями. А такой особый статус означает и особые, привилегированные отношения с Федеральным центром, как это было в СССР. Эта особенность государственно-политического устройства страны подпитывает психологию этнонационализма: официальный этнический статус или отсутствие такового обуславливает политические и экономические преимущества для субъектов Федерации или их отсутствие» [10, с. 21-22]. В Концепции государственной национальной политики РФ 1996 г. в разделе «Совершенствование федеративных отношений» говорится, что нужно избежать как губернизации республик, так и республиканизации областей. В переводе с языка Концепции на общедоступный это означает оставить все, как есть. Видимо, современные попытки «укрупнения» регионов на основе экономической целесообразности являются попыткой пробраться между Сциллой губернизации и Харибдой республиканизации. Однако за оправданием с помощью деклараций социально-экономической значимости этих преобразований умалчивается, не обозначается отход от этнического принципа в административно-территориальных образованиях.

Выработка и реализация современной, эффективной этнической политики невозможна вне соответствующих управленческих структур. Применительно к своему времени и имевшимся целям и задачам такие структуры были созданы большевиками. В ноябре 1917 г. был образован Народный комиссариат по делам национальностей. Руководство этим органом было поручено большевистскому теоретику национального вопроса, по замечанию В.И. Ленина, «чудесному грузину», написавшему в 1913 г. непревзойденную работу «Марксизм и национальный вопрос» И.В. Сталину. После образования СССР в декабре 1922 г. вместо Народного комиссариата по делам национальностей был создан Отдел национальностей при Президиуме ВЦИК. В ЦК ВКП(б) в 20–30-е гг. XX в. имелся так называемый национальный сектор, а также подотдел национальных меньшинств. Были соответствующие структуры и «на местах». Национальный вопрос за эти годы был неоднократно признан решенным. С 1925 г. по 1953 г. не было принято ни одного партийно-правительственного постановления «по национальному вопросу». В последней (1989 г.) редакции Программы КПСС национальный вопрос в СССР в очередной раз был объявлен окончательно решенным, чему определенно способствовала работа организованного в 1987 г. в ЦК КПСС подотдела, затем отдела по национальным отношениям. В постсоветской России «национальный вопрос» были призваны решить сначала Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики, с 2001 г. – Министр «без портфеля» по национальной политике, проработавший всего три года, с 2004 г. – Министерство регионального развития РФ, его Департамент межнациональных отношений. Что касается законодательной власти, то в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации над решением национального вопроса бьется Комитет по делам национальностей. Архаичный большевистско-советский дискурс в архаичных структурах воспроизводит устаревшие подходы, которые в новых условиях ограниченно применимы и практически негодны.

То, что называется «национальным вопросом», относится к разряду вечных, то есть философских. Это значит, что он не может быть решен раз и навсегда. Это то, что существует постоянно, в постоянно меняющихся социально-политических реалиях. Поэтому требуется не решение национального вопроса, как наивно полагали большевики в начале XX в., а потом их последователи, кто в позднесоветские времена объявил его окончательно решенным. Требуется *управление межэтническими отношениями*, своеобразный этнополитический менеджмент, который как любая управленческая деятельность носит перманентный характер.

В непонимание изменившейся ситуации вносят свою лепту сложившиеся в сфере этнополитики стереотипы. Любой стереотип

выполняет функцию упрощения, дает одностороннее, неточное, искаженное знание о действительности, от чего она представляется не вполне адекватно.

Одним из таких стереотипов является утверждение, что население РФ стало более моноэтническим, где 80% – русские, согласно данным Всероссийской переписи населения 2002 г., тогда как в СССР русские составляли 50% населения. «Немаловажное значение приобрела необходимость осознания всеми участниками политического процесса изменившегося облика России, которая стала более этнически однородной, чем СССР, где русские составляли 51%, и в то же время остается поликультурным государством» [4, с. 216]. «Распад СССР изменил этническую картину в обществе, и Россия стала по существу мононациональным государством, где русские составляют почти 80% населения» [9, с. 26]. «В последние десятилетия резко изменился этнический состав населения страны. Если в СССР доля русских людей не превышала 55 процентов, то сегодня в России русских более 80%. Это требует более тонкого, продуманного, можно сказать, деликатного подхода к проблеме межнациональных отношений, так как наше общество оказалось просто не готово к новому формату взаимоотношений «русских» и «нерусских»» [8, с. 11]. Однако в действительности в бывшей РСФСР, также как и в нынешней РФ, русские составляли около 80%. Так, русские в России в 1989 г. составляли 81,53% [7, с. 34]. Это как раз говорит о неизменной процентной численности этнического большинства. Абсолютизация количественных этнических характеристик и невалидное сравнение численности русских в бывшем СССР и в нынешней РФ дает искаженную динамику этнического состава населения, из которой следуют ошибочные этнополитические выводы.

Другой стереотип касается прошлого России, когда говорится, что на всех этапах истории «многонациональность» была богатством страны. «На протяжении всей истории многонациональность России была ее богатством. В ходе длительных и непростых процессов становления и развития российской государственности национальный вопрос ставился по-разному; были периоды его обострения, периоды благополучия. Непростым он остается и в настоящее время» [9, с. 21]. Нужно совсем не знать истории России, чтобы утверждать подобное. Может быть этот пассаж хорош в качестве идеологемы, предназначенной широким массам и СМИ, однако он вводит в заблуждение и создает трудности, когда есть реальная необходимость принимать этнополитические решения. «Многонациональность» всегда была таким «богатством», что постоянно «вставал» так называемый национальный вопрос, имевший место и в Российской Империи, и в советском государстве. Этот вопрос до сих пор «ставится» в рамках коммунитарной парадигмы и «этниче-

ского квадрата», в котором этнос рассматривается как целое, как общность, с точки зрения его количества, в противопоставлении «мы – они»: «Как народы России, так и их культура являются достоинством России, из этой аксиомы должна выстраиваться государственная национальная политика» [3, с. 35]. О том, что такое Россия без «народов и их культуры», а также, в чьих интересах осуществляется «управление национальной политикой», остается невыясненным.

Другим стереотипным представлением является «отдельная» проблема русского народа. «Проблемы русского народа, его состояния и его перспектив являются системообразующим фактором этнонациональной политики государства и общества» [1, с. 12]. Подобного рода формулировка проблемы находится в рамках все той же коммунитарной парадигмы, проявляется утилитарный подход к народу как государственной ценности-средству, что в принципе не должно вызывать удивления, так как народ для государственной власти – это демографический ресурс, один из важнейших ресурсов власти. Отсюда рассуждения об особом статусе государствообразующего русского народа, а также опасения, что по подсчетам специалистов из 116 миллионов русских к 2030 г. останется 60 миллионов, а к 2060 г. – лишь 30, и поэтому ситуация требует со всей серьезностью обратиться к решению проблем русского народа. Такой государствоцентрический, по сути циничный, крепостнический подход представляется шагом назад даже с программной целью КПСС все более полного удовлетворения постоянно растущих материальных и духовных потребностей советских людей.

Атрибутом властного дискурса по этническим проблемам являются декларативные заявления о том, что этноцентризм, национализм, ксенофобия, этническая интолерантность являются угрозой национальной безопасности. Так, в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24) говорится: «Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов» [5, Разд. III]. Признано очевидное. Но этого признания явно недостаточно. Необходимо осуществить переход от формальных, абстрактных, малоубедительных деклараций по поводу опасности национализма и ксенофобии к реальным мерам по их не «искоренению», к постоянному противодействию им на уровне трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной, а также «четвертой власти» – средств массовой информации, на всех уровнях: Федерального центра, власти субъектов Федерации и местного самоуправления.

Социологические исследования и анализ существующих дискурсивных практик (речей политических и общественных деятелей, учебников, материалов СМИ, суждений обывателей) говорят о реальном росте ксенофобских, националистических, антииммигрантских настроений. Это отражение общего состояния фрустрированного социума, медленно выходящего из системного кризиса, что сопровождается, с одной стороны, социальной апатией, с другой – агрессивным поведением, особенно по отношению к визуальным меньшинствам. Видение внешнего мира в качестве враждебного окружения, поиски врагов-инородцев непременно сказываются во внутривнутриполитической ситуации в тех же тенденциях, в распространении конкретных фобий: антиамериканизма, мигрантофобии, чайнофобии и т.д. Видение мира внешнего и мира внутреннего сквозь призму «вызовов» и «угроз» ведет к автаркии и изоляционизму, к тому, что призрак ксенофобии обрастает плотью и кровью.

Вряд ли можно утверждать, что социальные отношения в современной России могут быть охарактеризованы как отношения толерантности, гражданского согласия, с присущей им демократической консенсусной политической культурой. В таких условиях было бы наивно полагать, что сфера межэтнических отношений может быть оазисом толерантности. Однако придется преодолеть весьма распространенную среди просвещенной общественности иронию по поводу понятия и принципов толерантности, инициированных и принятых цивилизованным сообществом [2, с. 76-80], так как «именно толерантность занимает центральное место в «оси координат» XXI в., являясь важнейшей этической и правовой доктриной современности. Толерантности способствуют знания, открытость, общение, свобода мысли, совести и убеждений. Толерантность заменяет культуру войны культурой мира. Это не уступка, снисхождение или потворство, это привилегия сильных и умных людей, не сомневающих в своих способностях продвигаться на пути к истине через диалог, через разнообразие мнений и позиций» [8, с. 15].

Можно выделить еще целый ряд довольно острых моментов. Однако и уже выше изложенного достаточно для того, чтобы понять всю серьезность и необходимость выработки современной эффективной концепции, подчеркнем, не «решения национального вопроса», а управления межэтническими отношениями. Учитывая особенности российской политической культуры, среди прочих черт содержащей в себе подданническое отношение к любому центру реальной власти, патерналистские ожидания по отношению к власти, следует начать именно с власти. Должно хватить властной воли по капле выдавить из себя националиста и ксенофоба. Однако с учетом того, что сценарии, прописываемые и западными аналитиками, и российскими включенными наблюдателями до 2015 г. имеют шанс «пятьдесят на пятьдесят»: либо укрепление российской государственности, либо

распад. При этом решающая роль будет принадлежать Федеральному центру, а этнический фактор останется лишь фактором, который может быть использован «pro» или «contra».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абдулатипов Р.Г.* Русский потенциал выхода России из кризисного состояния // Проблемы этнокультурного развития русского народа: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2004. С. 12-21.
2. Декларация принципов толерантности (утверждена резолюцией 5.61 Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г.) // Власть и культура толерантности в Свердловской области. Колл. монография. Екатеринбург, 2005. С. 76-80.
3. *Дьяченко Л.Н.* Особенности государственного управления национальной политикой в Российской Федерации // Государственная национальная политика: проблемы и перспективы. Екатеринбург, 2005. С. 31-41.
4. *Зорин В.Ю.* Национальная политика в России: история, проблемы, перспективы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002. 287 с.
5. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 (в ред. Указа Президента РФ от 10 января 2000 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2000. № 2. Ст. 170.
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 марта 2003 г. № 256-р «О Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации // Собрание Законодательства Российской Федерации, 2003. № 10. Ст. 923.
7. Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 176 с.
8. *Россель Э.Э.* Государственная национальная политика: региональный аспект // Государственная национальная политика: проблемы и перспективы. Екатеринбург, 2005. С. 11-21.
9. *Трофимов Е.Н.* Актуальные проблемы национальной политики в Российской Федерации // Государственная национальная политика: проблемы и перспективы. Екатеринбург, 2005. С. 21-30.
10. *Чешко С.В.* Стратегия и практика этнополитики в Российской Федерации // Государственная национальная политика в XX-XXI веках: региональный аспект. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Пермь, 2003. С. 21-26.

RESUME

Marianna Alfredovna Fadeicheva, Doctor of political science, associate professor, principal researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 257-03-43, fm366@uralmail.com

Paradigms of Ethnic Strategy in Neo-post-Soviet Russia

The article analyzes new tendencies in ethno-national sphere. The author describes the features of the management of ethnic inter-relationship, argues for new concept of governmental ethnic policy and pays special attention to migration as an essential part of such policy.

Ethnos, nation, ethnic policy, migration policy, ethno-nationalism, xenophobia.

Материал поступил в редколлегию 31.02.2008 г.